

DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-5-150-159

УДК 346.7(045)

JEL F31, P24, P44

Правовой статус криптовалюты как элемента цифровой экосистемы

М.В. Демченко, В.А. Тормозова
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – нормативные правовые акты, регулирующие использование криптовалюты. *Объект исследования* – совокупность правовых и нормативных правил, определяющих режим использования криптовалюты в России и зарубежных странах. *Цели работы* – на основании комплексного анализа научных работ ведущих ученых и практиков, российской и зарубежной судебной практики, правового опыта других государств рассмотреть теоретико-правовые основы природы криптовалюты и майнинга, провести анализ их правового статуса в современном российском гражданском и информационном праве, выдвинуть предложения по решению существующих проблем в области регулирования криптовалюты и майнинга и совершения международных транзакций с использованием криптоактивов. В результате исследования *сделаны выводы* о том, определение цифровой валюты, приведенное в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», требует корректировки, и установления отдельного понятия криптовалюты ввиду того, с позиции ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации она должна признаваться иным имуществом и признаваться в системе гражданских прав иными законодательными и иными нормативными правовыми актами.

Ключевые слова: криптовалюта; виртуальная валюта; денежный суррогат; цифровая система; международная торговля; криптобиржа

Для цитирования: Демченко М.В., Тормозова В.А. Правовой статус криптовалюты как элемента цифровой экосистемы. *Экономика. Налоги. Право.* 2023;16(5):150-159. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-5-150-159

The Legal Status of Cryptocurrencies as an Element of the Digital Ecosystem

M.V. Demchenko, V.A. Tormozova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is regulatory legal acts regulating the use of cryptocurrencies. *The object of the study* is a set of legal and regulatory rules that determine the mode of using cryptocurrencies in Russia and foreign countries. *The purpose of the work* is based on a comprehensive analysis of the scientific works of leading scientists and practitioners, Russian and foreign judicial practice, legal experience of other states to consider the theoretical and legal foundations of the nature of cryptocurrency and mining, to analyze their legal status in modern Russian civil and information law, to put forward proposals to solve existing problems in the field of regulation of cryptocurrency and mining, and making international transactions using crypto assets. As a result of the study, *conclusions were drawn* that the definition of digital currency given in the Federal Law “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” requires adjustments, and the definition of a separate concept of cryptocurrency due to the fact that from the position of Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation, it must be recognized as other property, and its consolidation in the system of civil rights is carried out by other legislative and other regulatory legal acts. In this approach to the interpretation of the concept of cryptocurrency, the agreement on the transfer of cryptocurrency in exchange for receiving other property has the legal nature of a barter agreement.

Keywords: cryptocurrency; virtual currency; money surrogate; digital system; international trade; crypto exchange

For citation: Demchenko M.V., Tormozova V.A. The legal status of cryptocurrencies as an element of the digital ecosystem. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2023;16(5):150-159. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-5-150-159

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью развития правового регулирования использования криптовалюты как средства обмена при проведении малым и средним бизнесом международных операций по экспорту и импорту товаров, осуществлении работ и оказании услуг благодаря:

- низким комиссиям за торговлю на криптовалютных биржах;
- высокой скорости осуществления платежей;
- отсутствию посредников;
- обеспечению безопасности платежей.

Но для внедрения криптовалюты в трансграничный гражданский оборот требуются соответствующая нормативно-правовая база и определение понятия криптовалюты, ее правового режима в рамках современного российского права, а также установление места криптовалюты в системе объектов гражданских прав.

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ОСОБЕННОСТИ КРИПТОВАЛЮТЫ КАК РАЗНОВИДНОСТИ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ

В Российской Федерации до настоящего времени отсутствуют нормативно-правовые способы регулирования криптовалютных рынков и обращения криптоактивов, представляющих собой криптовалюту и крипто токены. Несмотря на принятие Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 259-ФЗ), устанавливающего понятие цифровой валюты, оно не лишено недостатков, что создает преграды на пути внедрения криптовалюты в гражданский оборот.

Поэтому в настоящее время разрабатывается ряд законопроектов, призванных вывести обращение криптовалюты из теневого сектора, создать прочные механизмы налогообложения криптовалюты и внесения ее добычи в реестр видов предпринимательской деятельности¹.

На наш взгляд, легальное закрепление определения криптовалюты зависит от установления

допустимости реализации ее функциональных возможностей как платежного средства, инвестиционного актива, средства сбережения и других форм участия в гражданском обороте. С точки зрения действующего российского законодательства цифровой валютой признается совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которая предусматривает:

- вероятность использования в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей какого-либо государства или расчетной единицей;
- возможность ее применения в качестве инвестиционного актива;
- отсутствие лица, ответственного перед обладателями цифровой валюты;
- наличие оператора и (или) узлов информационной системы, обеспечивающих исправную работу информационной системы.

Однако позиция законодателя в отношении определения цифровой валюты не только не является бесспорной, но и порождает множество вопросов в части соотносимости криптовалюты с цифровой валютой.

В доктрине как категории, представляющей собой совокупность направлений и областей научных знаний, регулирующих общественную, политическую или иные направления развития деятельности государства, существует позиция, согласно которой законодательное закрепление понятия «цифровая валюта» является попыткой провести тождество между цифровой валютой и криптовалютой [1].

Однако в Законе № 259-ФЗ закреплен такой признак цифровой валюты, как отсутствие связи между ней как средством платежа или инвестирования и конкретным государством. Исходя из логики законодателя можно утверждать, что цифровыми валютами не могут считаться цифровой юань (появление которого является следствием значительного расширения виртуальной торговли и использования различных электронных платежных систем на территории Китая [2]) или цифровой рубль (который согласно подготовленной ЦБ РФ концепции цифрового рубля², является цифровой национальной валютой), что значительно противоречит складывающейся общественной практике.

¹ Сайт газеты «Известия». Расплачиваться криптовалютами за параллельный импорт могут разрешить в 2023 году. URL: 06.04.2023.

² URL: [https://rulaws.ru/acts/Kontseptsiya-tsifrovogo-rublya-\(podgotovlena-Bankom-Rossii\)](https://rulaws.ru/acts/Kontseptsiya-tsifrovogo-rublya-(podgotovlena-Bankom-Rossii)).

Кроме того, в российском законодательстве отражен признак децентрализации цифровой валюты, т.е. отсутствие лица, обязанного перед пользователями информационной системы. При этом не все цифровые валюты являются децентрализованными.

На основании вышеприведенного можно сделать вывод о некорректности определения цифровой валюты, данного в Законе № 259-ФЗ, так как оно ошибочно отражает признаки валюты, используемой в качестве электронного средства платежа и инвестирования, и неполно закрепляет особенности криптовалюты (если полагать, что российским законодателем была предпринята попытка отразить признаки криптовалюты в Законе № 259-ФЗ).

О необходимости законодательного определения криптовалюты свидетельствует не только такой фактор, как ее возможность противодействовать санкционной политике со стороны недружественных стран, но и необходимость систематизации судебных решений относительно признания криптовалюты объектом гражданских прав, подлежащих защите или оспариванию.

Количество судебных дел, направленных на разрешение споров по поводу неосновательного обогащения вследствие незаконного получения криптовалюты³, взыскания стоимости цифровых активов для компенсации признания сделки недействительной⁴, включения криптовалюты в конкурсную массу⁵ [в настоящее время в законодательстве о банкротстве криптовалюта (цифровая валюта) признается имуществом⁶, что также является спорным утверждением в связи с отсутствием практического механизма наложения взыскания на криптоактивы для реализации интересов кредиторов], с каждым днем растет все больше, но однозначного подхода к правовому пониманию криптовалюты не установлено до сих пор.

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2021 № 44-КГ20-17-К7, 2-2886/2019. Документ опубликован не был.

⁴ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2021 по делу № 88-22837/2021. Документ опубликован не был.

⁵ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 24.05.2021 № 10АП-8868/2021 по делу № А41-49888/2012. Документ опубликован не был.

⁶ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О несостоятельности (банкротстве)».

По нашему мнению, в настоящее время существуют два наиболее подходящих понятия, посредством которых можно определить сущность криптовалюты, — это денежный суррогат в роли заменителя денег, выполняющий все или часть их функций, например продуктовые карточки в СССР, которые вводились в периоды 1917–1921 гг., 1931–1935 гг., а также с началом Великой Отечественной войны и до 1947 г., и виртуальная валюта.

В юридической науке была предпринята попытка считать криптовалюту денежным суррогатом [3] несмотря на то, что согласно абз. 2 ст. 27 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» введение и выпуск денежных суррогатов на территории России запрещаются. Но в российском законодательстве нет четкого определения денежного суррогата, что обусловило выдвижение учеными предположений о причастности к денежным суррогатам тех или иных финансовых активов (например, приватизационных чеков или ценных бумаг облигаторной природы), а также прочих объектов (например, переводного рубля или алмазов).

И.И. Кучеров в качестве обязательного признака денежного суррогата выделяет выполнение им платежной функции денег [4]. В то же время исходя из рассмотренных ранее возможных форм денежных суррогатов можно констатировать, что для отнесения того или иного объекта к заменителю официальных форм денег достаточно выполнение им любой экономической функции денежных средств (например, алмаз как средство сбережения или криптовалюта как средство обмена).

И.И. Кучеров также указывает на то, что деньги служат денежным суррогатом до тех пор, пока они не санкционированы государством [4; 3]. Как только они санкционированы государством, вводится запрет на выпуск любых денежных суррогатов и проведение с ним операций на территории страны, но не в отношении международных трансакций.

На наш взгляд, еще одна особенность криптовалюты, помимо соответствия ряда ее признаков понятию денежного суррогата, состоит в ее виртуальной форме.

Позиция финансовой доктрины, согласно которой криптовалюта представляет собой форму виртуальной валюты, в настоящее время является приемлемой ввиду того, что особенности крип-

товалюты напрямую корреспондируют чертам виртуальной валюты, не являющейся фиатной. В 2014 г. Европейское банковское управление определило виртуальную валюту как частный случай цифровой формы денежных средств, которая как не эмитируется центральным банком или иным уполномоченным органом, так и не обеспечивается каким-либо товаром, но которая признается физическими и юридическими лицами в качестве денег и может использоваться как электронное средство обмена, сбережения или купли-продажи⁷.

Таким образом, можно предложить следующее определение криптовалюты: это виртуальный денежный суррогат, представляющий собой совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, не являющийся денежной единицей какого-либо государства или наднациональной расчетной единицей, содержание и выпуск которого определяются в соответствии с правилами информационной системы.

ФИНАНСОВО-ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ВОЗМОЖНОГО ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

В российской судебной практике складываются различные подходы к определению криптовалюты как потенциальному объекту гражданских прав. Так, согласно определению Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2021 по делу № 88–22837/2021 по смыслу ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) криптовалюта не относится к объектам гражданских прав, а потому нельзя взыскивать ее стоимость как результата недействительности сделки⁸. В то же время в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 суд отнес криптовалюту к объектам гражданских прав и обусловил ее применение правовым режимом иного имущества. Это объясняется тем, что в конкурсную массу должника должно включаться любое имущество, имеющее экономическую ценность

для кредиторов, какую и имеет криптовалюта⁹. Такой же позиции придерживался Третий кассационный суд общей юрисдикции, определивший криптовалюту как иное имущество, способное быть предметом хищения¹⁰.

На наш взгляд, правовая природа криптовалюты и ее отнесение к какой-либо категории объектов гражданских прав (вещам, иному имуществу, имущественным правам) зависят от правового режима криптовалюты как цифрового актива.

В настоящее время криптовалюта не может использоваться в качестве платежного средства. Вследствие такого функционального ограничения применения она не может относиться к объектам, которые регулируются имущественным правом. Кроме того, криптовалюта не является вещью, поскольку она не имеет материальной формы, что далеко не бесспорно, если принимать во внимание постановление Апелляционного суд девятого округа США, согласно которому биткойн — это не просто идея, полностью изолированная от какой-либо физической формы, ввиду того, что он включается в общедоступный реестр, в котором регистрируются все транзакции¹¹.

Рассмотрим альтернативные подходы к определению криптовалюты как объекта гражданского оборота в зарубежных странах.

Аналогично российскому гражданскому законодательству согласно параграфу 90 Гражданского уложения Германии¹² *Bürgerliches Gesetzbuch* —, *BGB* (далее — ГГУ, *BGB*) вещами считаются исключительно телесные предметы, имеющие телесную форму. Но в отличие от России в Германии в соответствии с параграфом 903 ГГУ право собственности может распространяться только на вещи. Это позволяет сделать вывод, что германское гражданское законодательство не признает криптовалюту объектом права собственности и не позволяет владельцу криптоактивов передавать право собственности на них другим лицам (параграф 929 *BGB*). Тем не менее криптоактивы

⁹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017.

¹⁰ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.06.2021 № 77–1411/2021.

¹¹ OX LABS INC. V. BITPAY, INC., No. 20–55336 (9th Cir. 2021).

¹² «Гражданское уложение Германии» (ГГУ) от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002). Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. — 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа; 2015. С. VIII–XIX, 1–715.

⁷ “EBA Opinion on ‘virtual currencies’” (PDF). European Banking Authority. 4 July 2014. p. 5. Retrieved 14 January 2022.

⁸ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2021 по делу № 88–22837/2021.

могут передаваться им посредством совершения реальных действий (*realakt*), т. е. путем уступки в соответствии с четвертым разделом ГГУ. Исходя из этого можно предположить, что в Германии на криптовалюту распространяется режим имущественных прав.

Швейцарский орган по надзору за финансовыми рынками (*Swiss Financial Market Supervisory Authority — FINMA*) наделяет имущественными правами все виды виртуальных валют (если объектом является токен) или считает их имуществом (для криптообмена). Схожий подход применяется в США. Как в Швейцарии, так и в США, большую роль играют субъекты государств (кантоны и штаты соответственно), наделенные полномочиями устанавливать собственные способы регулирования криптовалютного рынка, определять размер подоходного налога на криптоактивы и принимать прочие самостоятельные решения, обусловленные особенностями региона, подчиняясь при этом федеральным актам в области регулирования криптовалюты (например, Закону по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма Швейцарии¹³ или Акту «Патриот» США¹⁴).

В Японии регулирование оборота криптовалюты также зависит от того, к какой категории относится криптоактив: если это ценная бумага (например, токен *ICO*), она попадает под действие Закона о финансовых инструментах и биржах¹⁵; если это любой другой криптоактив, его обращение регулируется Законом о платежных услугах¹⁶.

В юридической науке существуют разные подходы к определению криптовалюты с точки зрения ее отнесения к объектам гражданских прав. Так, согласно позиции В. Л. Достова и П. М. Шуста [5, с. 77], криптовалюту следует относить к категории электронных денежных средств, и потому она должна считаться имущественным правом. Аналогичного мнения придерживаются Д. И. Сте-

панова, Т. Е. Николаева, Н. В. Иволгина [6, с. 34], которые предлагают рассматривать криптовалюту в качестве новой формы электронных денег.

Согласимся с позицией А. А. Мамаевой, К. А. Миннуллиной, Е. П. Татариновой, что криптовалюту нельзя относить к вещам, поскольку она не имеет материальной формы, а также к имущественным правам и обязанностям, так как владелец виртуального денежного суррогата не обладает правом требования к другим лицам [7, с. 26].

В доктрине выделяются два пути закрепления криптовалюты в гражданском законодательстве как объекта гражданских прав. Первый является консервативным: согласно ему по отношению к виртуальному денежному суррогату должна применяться аналогия права (п. 2 ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее — ГК РФ). Второй более радикальный путь предполагает внесение в ГК РФ изменений и выделение криптовалюты в качестве отдельного объекта гражданских прав [8, с. 53].

Правильной, по нашему мнению, является позиция, согласно которой криптовалюта не должна выделяться в качестве отдельного объекта в ГК РФ и по отношению к ней возможно применение аналогии права. Цифровизация только начинает масштабное развитие и повсеместное распространение, в результате чего появляются новые формы цифрового имущества, оказания услуг, выполнения работ и других объектов гражданских прав. Гражданское же законодательство должно регулировать общие особенности имущества и прочих объектов, в то время как специальные правовые режимы нововведенных объектов должны закрепляться в отдельных законодательных и подзаконных актах (как, например, в белорусском законодательстве, где понятие криптовалюты и основные положения о ее регулировании закрепляются Декретом Президента Республики Беларусь № 8¹⁷). По этому поводу Л. Ю. Василевская справедливо отмечает: «Цифровизация прав приводит к их цифровому способу фиксации, а не к возникновению нового вида имущественных прав» [9, с. 115]. Таким образом вопросы определения и регулирования криптовалюты должны разрешаться соответствующими законодательными актами, а именно Законом № 259-ФЗ, а также актами Правительства РФ и ЦБ РФ.

¹³ Federal Act of 10 October 1997 on Combating Money Laundering and Terrorist Financing in the Financial Sector (Anti-Money Laundering Act, AMLA). URL: <https://www.fedlex.admin.ch>.

¹⁴ Uniting and strengthening america by providing appropriate tools required to intercept and obstruct terrorism (usa patriot act) act of 2001. URL: <https://www.congress.gov>.

¹⁵ 昭和二十三年法律第二十五号金融商品取引法. Официальный сайт «法令検索 egov». URL: <https://elaws.e-gov.go.jp>.

¹⁶ 平成二十一年法律第五十九号資金決済に関する法律. Официальный сайт «法令検索 egov». URL: <https://elaws.e-gov.go.jp>.

¹⁷ Декрет от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики». URL: <https://president.gov.by>.

В ст. 17, 19, 21, 22 Закона № 259-ФЗ предлагается для целей, перечисленных в статьях федеральных законов, признавать цифровую валюту имуществом. Таким образом, законодатель не дает строгого определения, к какой именно категории имущества относится криптовалюта.

Как установлено выше, в Законе № 259-ФЗ дано не совсем корректное определение цифровой валюты, и, например, в случае использования в гражданском обороте цифрового рубля он будет рассматриваться как имущественное право (обязательственное требование к ЦБ РФ). В то же время криптовалюта как вид цифровой валюты признаваться имущественным правом не может, поскольку не является санкционированным на территории Российской Федерации денежным средством. Кроме того, криптовалюта регулируется децентрализованно в соответствии с правилами информационной системы, поэтому ее собственник не обладает правом требования к кому-либо.

Криптовалюта как виртуальный денежный суррогат не может быть приравнена к деньгам в их традиционном понимании. Вследствие этого встает вопрос о возможности применения вещно-правовых способов защиты прав на такой актив.

Рассмотрим защиту права собственности на криптовалюту с точки зрения виндикации, т.е. возможности предъявления вещного иска собственника об истребовании своей вещи из чужого незаконного владения как одного из способов защиты собственности.

Исходя из смысла содержания криптовалюты, построенной на основе алгоритмов криптографии и шифрования, затруднительно предположить о возможности незаконного лишения собственника права владения активом.

Система блокчейна наделяет виртуальную валюту признаками, свидетельствующими о гарантиях обеспечения повышенной безопасности и надежности, а криптографическое шифрование и применение цифровой подписи — анонимности и ограниченности доступа к виртуальному кошельку. Кроме того, лишение собственника криптокошелька права владения виртуальными активами происходит анонимно внутри информационной системы согласно заданному алгоритму, поэтому виндикационный иск, к которому применяется общий срок исковой давности в три года, в данном случае не может быть применен.

Аналогичная проблема касается негаторного иска и иска о признании права собственности.

Соответственно криптовалюта согласно ст. 128 ГК РФ должна считаться иным имуществом.

Рассмотрим криптовалюту как вариант иного имущества с точки зрения оборотоспособности гражданских прав (ст. 129 ГК РФ). 20 марта 2023 г. Государственной думой Российской Федерации в первом чтении был рассмотрен законопроект № 237585–8¹⁸, разработанный в целях закрепления порядка и условий по созданию и распределению цифровой валюты (при этом опять же понятия «цифровая валюта» и «криптовалюта» являются с точки зрения депутатов равнозначными). Исходя из существующих положений Закона № 259-ФЗ, а также складывающейся тенденции к развитию законодательства представляется, что единственно возможным вариантом для разрешения выполнения каких-либо операций с криптовалютой (за исключения использования виртуального денежного суррогата как платежного средства на территории страны) может стать ее ограниченная оборотоспособность. Согласно тексту рассматриваемого законопроекта, а также позиции ЦБ РФ¹⁹, лица, уполномоченные заниматься майнингом криптовалюты и совершать сделки с использованием российской информационной инфраструктуры в рамках экспериментального правового режима²⁰, должны подчиняться ряду требований, в будущем устанавливаемых Правительством РФ и ЦБ РФ.

РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СДЕЛОК С КРИПТОВАЛЮТОЙ

Перспективы внедрения криптовалют в современную мировую финансовую систему длительное время обсуждается на страницах научных изданий [10: 11].

Внедрение криптовалюты в международную торговлю обуславливает возникновение ряда

¹⁸ Законопроект № 237585–8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8>.

¹⁹ Сайт Интерфакса. ЦБ РФ готов разрешить майнерам продавать криптовалюту только на иностранных биржах. Официальный сайт «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/russia/875737>.

²⁰ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».

преимуществ, заключающихся в отсутствии посредников, что позволяет снижать транзакционные издержки; обеспечивать абсолютную прозрачность сделки, так как посредством технологии распределенного реестра ведется учет каждой транзакции; скорость перевода денежных средств; отсутствие необходимости в конвертации валюты, благодаря чему контрагенты могут не принимать во внимание обменные курсы валют.

В то же время существуют значительные риски в совершении международных транзакций с криптовалютой из-за:

- опасности фишингового мошенничества или различных хакерских атак вроде *man-in-the-middle attack*, так как нарушение прав в связи с подобными незаконными действиями возможно по отношению к любому пользователю, нуждающемуся в знании правил цифровых гигиены. Во время совершения сделок контрагенты могут подвергаться обману со стороны партнеров, например посредством передачи денег другому лицу без их ведома или с использованием слишком волатильной валюты. Для избежания проблем контрагенты могут использовать технологию смарт-контракта, позволяющую на согласованных условиях автоматизировано обеспечивать исполнение обязательства. Кроме того, рекомендуется проводить операции только с крупными и известными компаниями, для которых сохранение репутации является неотъемлемой частью ведения бизнеса;

- возможности пострадать от хакерства и взлома распределенного реестра. Для предотвращения таких ситуаций должны быть разработаны программы страхования криптоактивов и криптовалютных бирж. Большую роль в проработке условий страхования и защиты от хакерских атак должен играть ЦБ РФ, который, вероятно, будет наделен полномочием проводить финансовый надзор над регулируемыми им криптовалютными биржами;

- достижения при заключении смарт-контракта определенной стоимости валюты, в которой проводится расчет вследствие волатильности ряда криптовалют и возможного мгновенного изменения их стоимости, являющегося серьезным риском для договаривающихся сторон. По нашему мнению, в международной торговле необходимо выбирать исключительно привязанную

(пусть и частично) к какому-либо активу валюту, например *UDSC*, *USDT* и др.

Отдельное внимания заслуживает правовой режим криптовалюты, применяемой в качестве средства платежа при совершении трансграничных операций из-за опасности подрыва стабильного денежного обращения и возможной утраты суверенитета национальной валюты. Частичное признание криптомонет денежным средством, благодаря которому возможно осуществление оплаты услуг и товаров, поставляемых из-за рубежа, или получение выплаты от экспорта, может приводить к криптоизации денежного обращения и еще большему ослаблению рубля на фоне доллара (поскольку стейблкоины — единственная в настоящее время не подверженная сильной волатильности валюта).

Исходя из вышеприведенного тезиса можно утверждать, что сделки по приобретению или продаже каких-либо благ не могут выражаться договором купли-продажи. В немецкой юридической литературе существуют разные мнения в отношении определения правовой природы договора, квалифицирующего обязательство по предоставлению покупной цены криптовалюте. Согласно одной из позиций вследствие того, что криптовалюта не является деньгами, она не может признаваться денежным обязательством покупателя. Следовательно, договор, устанавливающий необходимость проведения оплаты в криптовалюте, должен признаваться договором мены [12]. Другие авторы считают, что при квалификации договора купли-продажи можно рассматривать обязательство по оплате как потребность в передаче криптовалюты [13]. В то же время нужно учитывать, что согласно параграфу 480 ГГУ в отношении мены применяются положения о купле-продаже (аналогично п. 2 ст. 567 ГК РФ).

Окружной суд США Западного округа Пенсильвании в ходе разбирательства по делу *Balestra v. Cloud With Me Ltd.* определил договор, где встречным исполнением обязательства выступала передача криптовалюты, в качестве договора мены. Согласно позиции Суда виртуальная валюта — это цифровое представление стоимости, которым можно торговать и которое функционирует как средство обмена²¹.

²¹ *Balestra v. Cloud With Me Ltd.*, Civil Action No. 2:18-cv-00804 (W.D. Pa. Jul. 2, 2020).

Сущность договора мены в российском праве построена на принципах Бирлинговской концепции двух родов объектов правоотношений: на обеих сторонах соглашения лежит обязанность передать товар и корреспондирующее ей право требовать предоставления эквивалента переданного имущества [14, с. 76–77].

Отметим, что договор мены, в котором встречным исполнением обязательства является передача криптовалюты взамен на получение товара, отвечает всем доктринальным признакам [15, с. 249–250]:

- *во-первых*, он направлен на передачу имущества;
- *во-вторых*, обмениваемое имущество передается в собственность;
- *в-третьих*, договор имеет характер встречного предоставления;
- *в-четвертых*, момент перехода прав собственности на криптовалюту отвечает правилам ст. 570 ГК РФ (этот механизм особенно удобен при заключении смарт-контракта).

Кроме того, российский законодатель в рассмотренных в настоящей статье законодательных актах определяет цифровую валюту в качестве имущества. Исходя из приведенной аргументации договор о передаче криптовалюты взамен на получение другого имущества имеет правовую природу договора мены, но не купли-продажи. Условия встречного предоставления в виде передачи криптовалюты при принятии результатов выполнения работ или оказания услуг также должны определяться положениями о договоре мены, а сам синаллагматический договор будет регулироваться институтом смешанного договора.

Существуют огромные риски внедрения криптовалюты в гражданский оборот, главными из которых являются легализация денежных средств и использование криптоактивов в преступных целях. В целях борьбы с отмыванием доходов посредством проведения транзакций с криптовалютой считаем целесообразным внедрение национального криптовалютного комплаенса, традиционно в международной практике включающего шесть компонентов:

- 1) установление антиотмывочных стандартов (*anti-money laundering*);
- 2) проверку безопасности контрагента (*know your business*);

3) проверку безопасности нового клиента (*know your customer*);

4) проверку безопасности старого клиента (*customer due diligence*);

5) мониторинг финансовых операций (*know your transactions*);

6) налогообложение (*taxation*).

Кроме того, предлагается реализовывать на криптобирже аналитическую программу, похожую на антиотмывочную платформу «Знай своего клиента»²², но оснащенную технологией узкого искусственного интеллекта, способной отслеживать транзакции на сомнительных биржах и вывод оттуда криптоактивов, определять риски контрагентов и пр. Благодаря этому риск вовлеченности в подозрительные операции будет оцениваться не централизованно, как это происходит сейчас, а посредством аналитики отдельного криптокошелька алгоритмами, работающими на базе биржи. После получения отчета о подозрительных сделках криптобиржа должна направлять соответствующие отчеты ЦБ РФ для реализации механизма двустороннего взаимодействия главного банка и отдельных криптобирж.

ВЫВОДЫ

В Законе № 259-ФЗ дано некорректное определение цифровой валюты, в связи с чем законодательство нуждается в выделении отдельного понятия криптовалюты. По мнению авторов настоящей статьи, криптовалюта — это виртуальный денежный суррогат, представляющий собой совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, не являющийся денежной единицей какого-либо государства или наднациональной расчетной единицей, содержание и выпуск которой определяются в соответствии с правилами информационной системы.

Криптовалюта с позиции ст. 128 ГК РФ должна признаваться иным имуществом, а ее закрепление в системе гражданских прав целесообразно производить иными законодательными и подзаконными актами. Договор о передаче криптовалюты взамен на получение другого имущества имеет правовую природу договора мены.

²² Сайт ЦБ РФ. Платформа «Знай своего клиента». URL: https://www.cbr.ru/counteraction_m_ter/platform_zsk.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петраков Н.А. К вопросу о сущности криптовалюты. *Цивилист*. 2022;(2):19–24.
2. Elijah Journey Fullerton, Peter J. Morgan The People's Republic of China's digital yuan: its environment, design, and implications. *ADB Discussion Paper 1306*. 2022;1306:2–6.
3. Купцова Т.А. Функционирование денежных суррогатов в форме криптовалюты в системе современных экономических отношений: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности: 08.00.10; ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет». Самара; 2022.
4. Кучеров И.И. Денежные суррогаты и иные квазиденежные платежные средства. *Финансовое право*. 2012;(2):2–5.
5. Достов В.Л., Шуст П.М. Рынок криптовалют: риски и возможности для кредитных организаций. *Расчеты и операционная работа в коммерческом банке*. 2014;1:75–86.
6. Степанова Д.И., Николаева Т.Е., Иволгина Н.В. Особенности организации и направления развития криптовалютных платежных систем. *Финансы и кредит*. 2016;(10):33–35.
7. Мамаева А.А., Миннуллина К.А., Татарина Е.П. Правопреемство цифровой валюты: защита интересов наследников. *Наследственное право*. 2021;(4):24–26.
8. Гаврилов В.Н., Рафиков Р.М. Криптовалюта как объект гражданских прав в законодательстве России и ряда зарубежных государств. *Вестник экономики, права и социологии*. 2019;(1):51–59.
9. Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права. *Актуальные проблемы российского права*. 2019;(5):111–119.
10. Dorofeev M. L. et al. *Finance and Credit*. 2019;25(2):392–408.
11. Криворучко С.В. Криптовалюта и подходы к их регулированию. *Финансовый журнал*. 2018;(5):120–129.
12. Engelhardt C., Klein S. Bitcoins – mit geld, das keines ist: technische grundlagen und zivilrechtliche betrachtung. *MMR*; 2014. P. 355.
13. Kaulartz M. Die blockchain-technologie. zur distributed ledger technology und zu blockchains. *CR*; 2016. P. 477.
14. Иоффе О.С. Правоотношения по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во ЛГУ; 1949. 476 с.
15. Брагинский М.И. Договорное право. Книга 2. Договоры о передаче имущества. М.: Статут; 2011. 780 с.

REFERENCES

1. Petrakov N.A. On the question of the essence of cryptocurrency. *Civilist*. 2022;2:19–24. (In Russ.).
2. Elijah Journey Fullerton, Peter J. Morgan The People's Republic of China's digital yuan: its environment, design, and implications. *ADB Discussion Paper 1306*. 2022;1306:2–6.
3. Kuptsova T.A. The functioning of monetary surrogates in the form of cryptocurrencies in the system of modern economic relations: abstract dis. ... Candidate of Economic Sciences: 08.00.10. Place of defense: Samara State University of Economics. Samara; 2022. (In Russ.).
4. Kucherov I. I. Monetary surrogates and other quasi-monetary means of payment, *Financial law*. 2012;2:2–5. (In Russ.).
5. Dostov V. L., Shust P. M. Cryptocurrency market: risks and opportunities for credit institutions. *Calculations and operational work in a commercial bank*. 2014;1:75–86. (In Russ.).
6. Stepanova D. I., Nikolaeva T. E., Ivolgina N. V. Features of the organization and directions of development of cryptocurrency payment systems. *Finance and credit*. 2016;10:33–35. (In Russ.).
7. Mamaeva A. A., Minnullina K. A., Tatarinova E. P. Succession of digital currency: protection of the interests of heirs. *Inheritance law*. 2021;4:24–26. (In Russ.).
8. Gavrillov V. N., Rafikov R. M. Cryptocurrency as an object of civil rights in the legislation of Russia and a number of foreign states. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2019;1:51–59. (In Russ.).
9. Vasilevskaya L. Yu. Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law. *Actual Problems of Russian Law*. 2019;5:111–119. (In Russ.).

10. Dorofeev M.L. et al. *Finance and Credit*. 2019;25(2):392–408. (In Russ.).
11. Krivoruchko S.V. Cryptocurrencies and approaches to their regulation. *Financial Journal*. 2018;(5):120–129.
12. Engelhardt C., Klein S. Bitcoins — mit Geld, das keines ist: Technische Grundlagen und zivilrechtliche Betrachtung. *MMR*; 2014. P. 355.
13. Kaulartz M. Die Blockchain-Technologie. zur Distributed Ledger Technology und zu Blockchains. *CR*. 2016. P. 477.
14. Ioffe O.S. *Legal relations in Soviet Civil Law*. L.: Publishing House of LSU; 1949;476.
15. Braginsky M.I. *Contractual law. Book 2. Contracts for the transfer of property*. Moscow: Statute; 2011;780. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Максим Владимирович Демченко — кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета по научной работе, доцент департамента правового регулирования экономической деятельности юридического факультета, Финансовый университет, Москва, Россия

Maxim V. Demchenko — Cand. Sci. (Law.), Assoc. Prof., Deputy Dean of the Faculty of Law for Research, Assoc. Prof. of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Faculty of Law of the Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7010-8445>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

mvdemchenko@fa.ru

Валерия Александровна Тормозова — практикант Суда по интеллектуальным правам, Москва, Россия

Valeria A. Tormozova — Intern of the Intellectual Property Rights Court, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0008-5295-550X>

tormozovavaleria@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 23.05.2023; принята к публикации 24.09.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 23.05.2023; accepted for publication 24.09.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.